

Брайан Олдисс

СУПЕРИГРУШЕК ХВАТАЕТ НА ВСЕ ЛЕТО

Рассказы, которые легли в основу сценария «Искусственного разума» Стивена Спилберга!

АЗБУКА-КЛАССИКА
ФАНТАСТИКА

Steppenpferd
Брайан Олдисс

Брайан Олдисс. Steppenpferd

Брайан Олдисс
Steppenpferd[1]

[1] Примечания: 1
Степной конь (нем.).

С точки зрения космологии солнце представляло собой одинокое небесное тело, затерявшееся на краю своей галактики. Оно было супергигантом. Супергигант принадлежал к спектральному классу K5. С более близкого расстояния солнце казалось невзрачной, окутанной дымкой сферой, свечой, которая вот-вот погаснет, дымом, состоящим из бесчисленного множества частичек, неистово танцующих в вихрях магнитной бури.

Несмотря на свой размер, солнце было холодным, с температурой около 3600 градусов по Кельвину. Тем не менее, являясь супергигантом, оно лелеяло тщетные супергигантские мечты относительно зависимых от него созданий. По всему периметру солнца, протянувшись вдоль плоскости эклиптики, вращались многочисленные сферы искусственного происхождения. В каждой из этих сфер, словно в клетке, находилась своя солнечная система.

Особи, которые принесли эти сферы из немыслимо далеких краев, называли себя Пентиванешении. В глубокой древности слово это означало «те, что когда-то паслись в поле». Когда Пентиванешении уничтожили собственные планеты, они отправились в странствия в глубь бескрайних просторов космоса, возвращаясь к родной звезде

лишь для того, чтобы оставить на ее орбите свои находки.

Отец Эрик Предьин вышел из спальни и шагнул навстречу рассвету. Скоро зазвенит монастырский колокол и двенадцать его монахов вместе с многочисленными послушниками, проснувшись, отправятся в церковь на первую молитву. Но до этого момента маленький мирок острова принадлежит только ему. Или, вернее, Богу.

Отец Предьин зябко поежился от влажного и холодного воздуха. Ему нравилась свежесть раннего утра. Он медленно обошел штабель оструганных бревен, предназначенных для строительства новой церковной крыши, миновал кучу пронумерованных камней, необходимых для возведения перестраиваемого алтарного выступа, называемого апсидой. Святой отец в который раз посмотрел на старое церковное здание, духовную жизнь которого он с божьей помощью и собственной волей восстанавливал.

Монастырь по-прежнему находился в плачевном состоянии. Камни, лежавшие в его фундаменте, были заложены еще в одиннадцатом веке, во времена Олафа Мирного. Большую часть сооружения построили позднее, когда на острове стали высаживаться убегавшие с мате-

рика славянские племена вендов.

Больше всего отец Предьин восхищался южным фасадом храма. К сводчатому входу примыкала тупиковая аркада со ступенчатыми лепными колоннами. Эта часть церкви больше других подверглась разрушительному воздействию непогоды, но все же умудрилась уцелеть.

— Предстаньте себе, — рассказывал отец Предьин так называемым туристам, — как первые монахи монастыря пытались высечь здесь в камне лик божий. Он велик, готов принять всех, кто приходит к нему, но иногда не видит наших несчастий. А теперь Всемогущий, по всей видимости, обветшал под действием изменчивой земной погоды.

Туристы, услышав его последние слова, начинали беспокойно переминаться с ноги на ногу. Некоторые устремляли взгляд к небесам, где была видна движущаяся металлическая сфера.

Нынешним утром святой отец испытывал большую радость, чем обычно. Он не пытался найти объяснение этому состоянию. Счастье было своего рода побочным продуктом, чем-то таким, что случается в любой размеренной и упорядоченной жизни. Причиной тому, конечно же, была осень, а отец Предьин всегда любил это время года. Есть

что-то такое в осени, когда дни становятся короче и начинают опадать листья, когда еще не дуют холодные северные ветра. Более четким становится осознание великого духа, наполняющего мир природы.

Где-то прокукарекал петух, возвещая наступление утра и радуясь его свежести и очарованию.

Святой отец повернулся спиной к выкрашенному коричневой краской строению и зашагал к берегу по мощенной булыжником дорожке. Затем направился к самой кромке воды. Место встречи двух природных стихий — суши и воды — было отмечено россыпью камней и мелкой прибрежной гальки. Обломки камней принес к береговой линии озера отступавший в море ледник. Мощные пласты льда отполировали гальку так, что она блестела в свете наступавшего утра, даруя взору любого, кто пожелал бы на пес посмотреть, удивительное разнообразие оттенков и форм. В не меньшей степени, чем монастырь, эти гладкие камешки для верующих были свидетельством Направляющей Длани Господней. Направляющей Длани Господней, которая тем не менее допустила, чтобы ее перенесли на расстояние сотен тысяч световых лет… Святой отец заметил на каменистом берегу блеснувшую се-

ребром чешуи мертвую рыбину. Наплывавшие на берег озера волны создавали иллюзию ее движения. Даже лишенная жизни, она оставалась красивой.

Святой отец размеренным шагом приблизился к небольшой пристани. Старый деревянный пирс на несколько метров уходил в озеро Маннсё, отражаясь в темной воде. К этому пирсу причалит лодка с рабочими, а чуть позже прибудет группа галактических туристов. На другом берегу, на расстоянии не более километра, располагался материк с небольшим городком Маннсё, из которого и приплывают на остров люди. Облако загрязненного воздуха серым клином повисло над городом, врезаясь в черное перевернутое изображение гор.

Святой отец принялся разглядывать горы и крыши домов. Как искусно они имитировали то, чем были когда-то на самом деле. Предьин перекрестился. Ладно, сохранился хотя бы этот островок, причем по совершенно непонятной причине. Возможно, когда-нибудь все-таки настанет день, когда все вернется на круги своя, молитвенно пожелал он.

На берегу у самой воды валялись пустые бочки из-под бензина и остатки брошенного военного

снаряжения. Всего лишь пять лет назад военные еще использовали остров в своих целях. Отец Предьин убрал большую часть следов пребывания военных: надписи на церкви, дыры от пуль в стенах, сломанные деревья. Он не торопился отдавать приказания убрать эти следы с острова. Что-то подсказывало ему, что старый ржавый бронетранспортер должен оставаться там, где и стоит, — наполовину затопленный, в воде близ берега. Сейчас, после того как машина утратила свои прежние функции и качества, она уже не смотрелась инородным телом на фоне безмятежной природы. Кроме того, нет ничего плохого в том, что напоминает и монастырской братии, и гостям острова о былых безумствах человечества, а также о нынешней изменчивой сути окружающего мира. Мира и, добавил он про себя, всей Солнечной системы. Ныне заключенной в исполинской сфере и перенесенной… куда она была перенесена, святой отец не знал.

Куда-то далеко за пределы галактики. Но за пределы ли того пространства, которое подвластно Богу?

Отец Предьин глубоко дышал, наслаждаясь неумолчным плеском волн, разбивающихся о берег. Он мог посмотреть на запад от своего ма-

ленького островка — своего и Господа — в том направлении, где когда-то были Норвегия и далекая железная дорога. Он мог посмотреть на восток, на горы, когда-то бывшие горами Швеции. Озеро Маннсё располагалось по ту сторону границы, разделявшей две страны. Воображаемая линия границы, прочерченная главами государств, курсировавшими между правительственными кабинетами Осло и Стокгольма, разрезала остров и прошла через древний монастырь. Именно тогда и началась долгая оккупация острова, когда противоборствующим сторонам никак не удавалось разрешить территориальные споры и два скандинавских государства зашли в тупик.

Почему началась их вражда? Почему они не представили себе… нечто… нечто немыслимое?

Отец Предьин хорошо знал серебристые березы, росшие на берегу среди камней, и прекрасно отличал одно дерево от другого. Как же было забавно эту березку считать шведской, а вон ту — норвежской. Он прикоснулся к их нежным стволам и зашагал дальше. Прикосновение к влажной бересте, на ощупь похожей на бумагу, было приятным. Сейчас, после того как военные ушли с острова, единственными незваными гостями Маннсё были туристы. Отец Предьин

был вынужден притворяться, делая вид, что рад им, стараясь способствовать их дальнейшим посещениям. Туристов привозили на небольшом катере, который отплывал из Маннсё каждое летнее утро, семь дней в неделю. На острове им разрешалось пробыть лишь пару часов. В течение этого времени туристы имели полную свободу передвижения и могли бродить по острову или напускать на себя набожный вид и притворяться, будто молятся. Монастырские послушники продавали им еду, напитки и сувенирные распятия, получая за это небольшие деньги, которые шли в фонд восстановления церкви.

Святой отец наблюдал затем, как с противоположного берега плыл катер, и гротескные существа, похожие на лошадей, медленно принимали привычные человеческие очертания.

Календарный август подходил к концу. Скоро туристы перестанут прибывать на остров. Маннсё располагался лишь в пяти градусах южнее широты Северного полярного круга. Долгой темной зимой никто не осмеливался приезжать на остров. Туристы имитировали все, что когда-то существовало раньше, включая и различные формы поведения.

— Я не стану по ним скучать, — еле слышно

произнес отец Предьин. — Мы будем работать и зимой, как будто ничего не случилось.

Однако он признался себе в том, что все-таки будет скучать по женщинам. Хотя отец Предьин много лет назад принял обет безбрачия, Господь все же разрешал ему наслаждаться внешним видом молодых женщин — их длинными волосами, их телами, длинными ногами, звучанием их голосов. Никто из членов ордена — даже симпатичный юный послушник по имени Санкал — внешне не мог сравниться с женщинами, с присущими только им удивительными качествами. Качествами, сравнимыми с повадками грациозных антилоп. Но это, конечно же, была иллюзия, в реальности вместо обманчивой пары красивых женских ног у них имелось по семь черных неуклюжих конечностей.

Эти существа проникли в его сознание. Святой отец знал это. Иногда он ощущал их присутствие там, подобно тому, как осознавал присутствие мышей за деревянной обшивкой стен своей кельи.

Отец Предьин обратил взгляд на восток и закрыл глаза, наслаждаясь светом набирающего силу дня. Лицо у него было худощавое и загорелое. Лицо серьезного мужчины, склонного к шут-

кам и смеху. У святого отца были серо-голубые глаза, и внимательный взгляд, которым он смотрел на своих собратьев, был вопрошающим, но дружелюбным; возможно, в большей степени вопрошающим, нежели открытым, подобно книгам на полках в библиотеке, чьи корешки обещают многое. Те, с кем отец Предьин вел переговоры о покупке острова, утверждали, что он никому не доверяет, возможно, даже и своему Богу.

Его черные волосы, пока еще лишь слегка тронутые сединой, были подстрижены под горшок, лицо чисто выбрито. Линия рта доброжелательна, но тверда. Весь внешний облик святого отца выражал решительность. Сам того не осознавая, Эрик Предьин обладал приятной внешностью, которая во многом облегчала ему жизнь, позволяя демонстрировать эту самую решимость гораздо реже, чем того могли бы требовать обстоятельства.

Он подумал о лице женщины, которую когда-то знал, и задал себе вопрос: почему мужчины несчастнее женщин? Разве мужчин и женщин на Земле создали не для того, чтобы они приносили друг другу счастье? Неужели это вызвано тем, что человечество по некоей неведомой, но трагичной причине не сумело отбить нападение жутких

тварей, которые заполонили собой землю, уничтожая то, что некогда считалось неизменным?

Или же мир настолько наполнился грехом, что потребовалось его уничтожить? Теперь же те, кто уединился на острове Маннсё, будут и дальше воздавать Ему свои хвалы и почтение. Пытаться, пребывая в своем хрупком, тленном облике, почитать Его. Пытаться спасти мир, снова сделать его таким, каким он был раньше, и снова обрести счастье, искоренив грех.

Под подошвами сандалий захрустели камни. Зябко обхватив себя руками, святой отец свернул в сторону от воды и зашагал подругой тропинке, огибавшей по спирали гигантский обломок скалы. Здесь, в скрытой от взгляда лощине, кудахтали куры. Тут же был разбит огород, в котором монахи выращивали овощи, главным образом картофель и зелень, и держали пчел. Всего этого едва хватало, чтобы прокормить монастырскую братию, но Всемогущий одобряет умеренность. Когда святой отец проходил мимо грядок, бросив на них опытный, знающий взгляд, зазвонил монастырский колокол. Не ускоряя шага, отец Предьин прошел под ветвями яблонь и направился дальше, к недавно восстановленной церкви.

Он сцепил пальцы и произнес на ходу:

— Благодарю тебя, Господь, за новый прекрасный день, один из череды дней, которые мы сможем прожить. Защити нас от Пентиванашениев. Благослови моих работников, дабы и они могли вкусить радость Твою.

За утренней молитвой последовал завтрак. Хлеб, испеченный в монастыре, пойманная в озере рыба, родниковая вода. Скромно, но достаточно, чтобы утолить голод.

В одиннадцатом часу утра отец Предьин с двумя монахами отправился к причалу встретить катер с работниками, прибывающий из Маннсё.

Работники набирались из числа добровольцев. Это были не только скандинавы, но и мужчины, в основном молодые, из разных уголков Европы. Был в их числе и один японец, который туристом приехал на Маннсё два года назад, да так и остался в этих местах. В ожидании пострига он жил в Маннсё, в доме женщины-инвалида.

О, у каждого из была своя история, им было что рассказать! Но святой отец видел их из окна — когда туристы думали, что за ними никто не наблюдает, они снова обратились в неуклюжие фигуры с непомерно длинными семипалыми руками и серой кожей.

Это был секрет отца Предьина: поскольку он

знал, что эти существа в отличие от людей асимметричны, он понимал, что Бог отвратил от них свой лик. В результате они стали олицетворением зла.

Монахи поприветствовали мнимых работников и благословили их. Затем прибывшим сообщили о том, какие задачи им предстоит выполнить в течение дня. Особой необходимости в подробных указаниях не было. Штукатуры, плотники и каменщики продолжили уже начатое дело.

Смею ли я позволить этим инопланетным, богопротивным созданиям участвовать в возведении храма Божьего? Не проклянет ли он всех нас за то, что мы допустили такую ошибку?

Работа по восстановлению церкви теперь велась в непривычно ускоренном темпе — зима уже была не за горами. Над барабаном главного свода церкви возводилась почти плоская черепичная крыша, которая станет на пути разрушительного действия природных стихий. Денег на покупку меди, которой предполагалось покрыть купол, пока не было. Предполагалось, что они начнут поступать спустя какое-то время.

Когда святой отец убедился в том, что дело нашлось для каждого, он вернулся к главному

зданию и поднялся по винтовой лестнице в свою келью, располагавшуюся на третьем этаже.

Это была узкая комнатка, свет в которую проникал через два круглых окна. Обстановка более чем скромная — источенный жучками письменный стол и пара шатких, колченогих стульев. На беленной известкой стене над столом — распятие.

К отцу Предьину зашел один из послушников, чтобы обсудить вопрос отопления монастыря зимой. Вопрос, как водится, остался нерешенным.

Следом за ним в келью вошел Санкал, который, должно быть, ждал за дверью.

Святой отец жестом предложил ему сесть, однако юноша предпочел оставаться на ногах.

Санкал стоял, ломая по привычке руки, застенчивый; как обычно. У него был такой вид, будто ему нужно сказать что-то важное, но не знает, с чего начать.

— Ты хочешь уйти из монастыря? — спросил отец Предьин и улыбнулся, чтобы показать, что шутит и просто предлагает собеседнику возможность ответить.

Джулиус Санкал был бледным красивым юношей с пушком на верхней губе и щеках. Подобно многим другим послушникам, жившим на Маннсё, он получил здесь прибежище с согласия

святого отца, поскольку остальная часть земного шара продолжала стремительно исчезать.

В те дни Эрик Предьин, стоя возле церкви, смотрел на ночное небо и наблюдал за тем, как звезды одна за другой исчезают внутри огромной сферы. Точно так же исчезал и остальной окружающий мир, исчезал постепенно, часть за частью, заменяясь дешевой имитацией, возможно, не обладавшей массой — видимо, это значительно облегчало транспортировку. О подобном можно было лишь строить догадки, ощущая собственное невежество и страх перед незнаемым.

Санкал пришел в Маннсё по снегу. Затем украл лодку, переправился на ней на остров и отдался на милость обитателям разрушенного монастыря. Его нынешние обязанности состояли в том, что он выпекал хлеб для монастырской братии.

— Наверное, мне нужно уйти, — произнес юноша, опустив глаза. Отец Предьин, положив руки на столешницу стола, ждал, что Санкал скажет дальше. — Понимаете… я не могу этого объяснить. Я приблизился к неправильной вере, святой отец. Я много молился, но все равно обретаю неправильную веру.

— Ты понимаешь, Джулиус, что здесь тебе разрешено выбрать любую из многочисленных

форм религиозной веры. Первое и самое главное — верить в Бога до тех пор, пока ты не узришь истинного Господа. Таким образом мы проливаем крошечный лучик света на мир уже полностью потерянный и погрузившийся во тьму. Если ты уйдешь, то попадешь в проклятый иллюзорный мир.

Откуда-то сверху донесся стук молотков. На крышу апсиды поднимали новые стропила. Ответ Санкала, прозвучавший тихо, но твердо, почти утонул в грохоте.

— Святой отец, вы знаете, что я застенчив. Однако я уже достиг зрелости. Меня постоянно преследует низменные мысли. Сейчас эти мысли стремительным водным потоком уносят меня к неправильной вере. — Юноша печально опустил голову.

Отец Предьин встал, оказавшись гораздо выше юного послушника. Выражение его лица было строгим.

— Послушай, сын мой, тебе нечего стыдиться. Наша жизнь полна такого же грохота, который сейчас доносится до нас сверху. Это звуки огромного материального мира, врывающегося в наше сознание. Не нужно обращать на него внимания. Неправильная вера непременно сделает тебя

несчастным.

— Отец, я питаю уважение к вашему богословию. Но, возможно, неправильная вера вполне хороша для меня. Нет, я хотел сказать… Мне трудно выразить словами. Прийти к чистой вере — это ведь хорошо, верно? Даже если эта вера неправильная. Тогда она, возможно, вовсе и не является неправильной. Она просто хорошая.

Отец Предьин с тщательно скрываемым нетерпением ответил:

— Я не понимаю твоих доводов, Джулиус. Разве мы удаляем неправильную веру из нашего сознания, как гнилой зуб?

Санкал дерзко посмотрел на своего духовного наставника, чьи руки сжались в кулаки так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Моя вера заключается в том, что я не считаю наш остров творением Божьим. Это имитация, иллюзия, созданная ужасным соперником Господа нашего.

— Но ведь это не что иное, как обычное неверие.

На что тут же последовал дерзкий ответ:

— Нет-нет! Я верю в то, что Злые сотворили мир, в котором мы живем. Наше добро само по себе является иллюзией. Я имею прямые доказа-

тельства этого.

Прежде чем ответить, отец Предьин глубоко задумался.

— Давай на мгновение предположим, что мы живем на острове, созданном этими ужасными тварями, которые теперь владеют всей Солнечной системой. Следовательно, все это — иллюзия. Однако добро вовсе не иллюзорно. Добро во всех его проявлениях никогда не бывает иллюзией. Вот зло — иллюзия... — Произнося эти слова, святой отец представил себе, что видит нечто потаенное и недоброе в глазах стоящего перед ним юноши. Он смерил Санкала внимательным взглядом и лишь тогда задал ему вопрос: — Ты пришел к этому выводу неожиданно?

— Да... нет. Я понял, что всегда испытывал подобные чувства. Просто не осознавал этого. Я никогда не задумывался над тем, что говорю. Лишь когда я оказался здесь, то бы, святой отец, пожалуй, дали мне время для раздумий. Я понимаю, что мир — зло, и с каждой минутой он все больше переполняется скверной. Потому что им правит дьявол. В моей семье всегда говорили о дьяволе. Теперь он пришел в наш мир в лошадином обличье, чтобы победить нас.

— О каком доказательстве ты только что упо-

мянул?

Санкал вздрогнул и сердито посмотрел на святого отца.

— Он во мне. В шрамах на моем разуме и моем теле. Давно, еще с раннего детства. Дьяволу даже не нужно стучать в дверь, чтобы войти. Он уже вошел.

Немного помолчав, отец Предьин снова сел и перекрестился.

— Ты, должно быть, очень несчастен, если веришь в такое. Это не вера в том смысле, в каком мы понимаем ее. Это болезнь. Сядь, Джулиус, и расскажи мне что-нибудь. Потому что если ты серьезно веришь в то, что говоришь, тогда тебе действительно следует покинуть нас. Тогда твоим домом станет мир иллюзий.

— Я знаю. — Хотя вид у юноши оставался попрежнему дерзкий, он все-таки сел на шаткий стул. На крыше продолжали стучать.

— Я недавно обсуждал вопрос о том, как нам обогреваться этой зимой, — доверительно сообщил своему собеседнику святой отец. — Когда я впервые попал на остров вместе с еще двумя людьми, нам чудом удалось пережить долгую холодную зиму. Здание тогда находилось в ужасном состоянии. Крыша была наполовину разрушена.

Не было электричества. Да мы бы и не могли позволить себе такую роскошь, имейся оно у нас тогда. Мы отапливали помещение дровами — рубили топором поваленные деревья. В те дни на Маннсё деревьев было гораздо больше, чем сейчас. Мы ютились в двух комнатах на первом этаже. Питались исключительно рыбой. Иногда добрые люди из Маннсё переходили озеро по льду и приносили нам теплую одежду, хлеб и аквавит. В остальных случаях мы молились, работали и постились.

И все-таки это были счастливые дни. С нами был Господь. Он одобряет скромность.

Год шел за годом, и мы начали постепенно обустраиваться. Прежде всего мы научились изготавливать свечи. Затем настал черед масляных ламп и масляных печек. Теперь мы снова подсоединены к электростанции в Маннсё. Свет у нас пока есть. Но сейчас нужно готовиться к долгой темной зиме, зиме Неверия.

— Я не понимаю, на что вы надеетесь, — отозвался Санкал. — Маленькая часть прошлого затерялась где-то за пределами галактики, где о Боге, о вашем Боге ничего не слышали.

— Они слышат о нем здесь и сейчас, — ответил священник ровным решительным голосом. —

Так называемые туристы слышали о нем. Так называемые рабочие трудятся во благо нашего Бога. До тех пор, пока зло не проникло в нас, мы творим дело Божье, в каком бы краю вселенной мы ни оказались.

Санкал пожал плечами:

— Дьявол может прийти к вам, потому что он владеет всем — всеми вещами, которые имеются в созданном им мире.

— Ты заболеешь, если будешь верить в это. Таких же верований придерживались когда-то катары и богомилы. Теперь их не стало. Я пытаюсь донести до твоего понимания мысль о том, что очень легко ошибиться в отношении опасности, в которой мы находимся, это более чем смертельная опасность. Дьявола не существует. Есть просто отступничество от Бога, которое в духовном отношении чрезвычайно болезненно. Ты просто тоскуешь о Божественном покое.

Сандал исподлобья посмотрел на Предьина. Во взгляде его таилась злобная ненависть.

— Конечно, тоскую! Потому-то и хочу уйти.

Стук молотков неожиданно прекратился. Затем послышались шаги рабочих по крыше, прямо над головой у святого отца и Джулиуса.

Отец Предьин откашлялся, прочищая горло.

— Джулиус, зло существует в людях, во всех нас, это верно…

— И в дьяволах-лошадях, которые сделали все это с нашим миром! — выкрикнул юноша, прерывая наставника.

Священник вздрогнул, но тем не менее продолжил:

— Мы должны расценивать случившееся как часть божественной стратегии свободы воли. Мы по-прежнему можем делать выбор между добром и злом. Нам дарована жизнь, и какой бы тяжелой она ни была, она все равно оставляет нам право выбора. Если ты уйдешь от нас, то уже никогда не вернешься.

Священник и юный послушник смотрели друг на друга, находясь по обе стороны от источенного жучками ветхого стола. Снаружи над восточными горами взошло солнце.

— Я хочу, Джулиус, чтобы ты остался и помог нам в нашей борьбе, — проговорил святой отец. — Ради твоего же блага. Нового пекаря найти нетрудно. Новая человеческая душа — совсем другое дело.

Лицо Санкала снова приняло насмешливое выражение.

— Неужели вы боитесь, что мое потаенное неве-

рие распространится и среди других монахов?

— Боюсь, — признался отец Предьин. — Боюсь, потому что проказа заразна.

Когда юноша вышел из кельи, еще до того, как его шаги затихли на ступеньках деревянной винтовой лестницы, отец Предьин приподнял нижний край сутаны, опустился на колени и сложил руки в молитвенном жесте. Затем склонил голову.

Вокруг стояла тишина, рабочие давно перестали стучать молотками. Залетевшая в келью бабочка налетала на оконное стекло, билась об него, силясь понять, что же удерживает ее от желанной свободы.

Святой отец повторял слова молитвенной мантры до тех пор, пока не успокоился и не почувствовал, что его сознание снова вернулось в глубины великого разума. Его губы перестали дрожать. Постепенно перед ним возникли подергивающиеся строки трехмерного санскритского текста. Письмена эти вызывали ощущение некоего благословения, как будто их содержание являло собой добрую волю. Они были посланием, сообщавшим о том, что жизнь — одновременно дар и обязанность, и содержали более глубокий, потаенный смысл, который навсегда останется

недоступным для понимания.

Письмена были золотистого цвета, они часто сжимались и приобретали более сложную форму и не менее часто становились неразличимыми на песчаном фоне.

Когда деятельность мозга находится в состоянии сна, разум никак не может сосредоточиться на каком-либо толковании. В равной степени невозможно прийти к какому-нибудь окончательному суждению. Сложные запутанные изменения, происходящие постоянно, делали подобные попытки несостоятельными. Это было вызвано тем, что письмена наползали друг на друга и скручивались в клубок подобно змеям, образовывали некое подобие тугры на пергаменте нервной пустоты. Выступающие элементы букв вздымались вверх, создавая полосы, на которых хвосты виляли во все стороны, создавая внутри себя разноцветные ответвления похожих на заросли пурпурных ветвей.

Изображения продолжали усложняться. Цвета делались все ярче и ярче. Огромные кольца создавали изощренной сложности шоссе из букв и заполнялись двумя контрастными орнаментами, в которые складывались спиральные свитки — лазурно-голубой и ярко-красный. Процесс

переплетения методично распространялся во всех направлениях, значительно увеличиваясь в размерах.

Теперь изображение, которое, казалось, будет расти бесконечно, заполняя собой окружающее пространство, либо уменьшалось, либо сжималось, превращаясь в музыкальный шум. Этот шум сделался более беспорядочным, напоминая скорее удары птичьих крыльев о стекло. Когда письмена исчезли совсем, сознание превратилось в медленно приближающийся прилив, а удары крыльев приняли какое-то зловещее звучание.

Скоро, невыносимо скоро, нарушая настроение трансцендентного спокойствия, хлопанье крыльев превратилось в грохот загадочного происхождения. Это был цокот копыт — как будто огромное животное пыталось неуклюже вскарабкаться по крутым ступеням лестницы. Оно время от времени спотыкалось, но упрямо, по-звериному двигалось к цели.

Отец Предьин пришел в себя. Прошло немало времени. В лишенном зрачка глазе круглого окна небо затянулось облаком. На подоконнике лежала обессилевшая от напрасных стараний бабочка. Однако инфернальный шум не смолкал.

Казалось, будто невидимый жеребенок пытается подняться по деревянной винтовой лестнице в келью святого отца.

Предьин встал.

— Санкал?! — позвал он шепотом.

Затем бросился к двери и спиной прижался к ней, оскалив зубы. По его лбу стекали ручейки пота.

— Спаси меня, отец небесный! Спаси меня, черт тебя побери! Я — все, что у тебя есть!

Но огромный зверь все же явился перед ним, поддерживаемый всей мощью Пентиванашениев.